

ВЗГЛЯД НА 1987 И ПОСЛЕДУЮЩИЕ

Поводом для этих заметок стал выход книги Т. Г. Ивановой «Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк» (СПб., 2006), выпущенной в свет издательством «Дмитрий Буланин», — документального исследования, в котором предпринята попытка многоаспектно представить деятельность ведущего отдела уникального и всемирно известного научно-исследовательского и просветительского историко-литературного центра России.

Это не рецензия на только что вышедший из печати труд. Как справедливо указано в «Предисловии» к монографии (с. 5—6), тема истории Рукописного отдела поднимается в литературе не впервые. Несомненно, она будет продолжена во втором столетии Пушкинского Дома. Будучи свидетелем, участником или организатором некоторых значительных моментов деятельности Отдела в 1987—1996 и 2004—2005 гг., считаю необходимым дать разъяснения, дополнения и уточнения деталей по представлению «пунктирными линиями» (с. 7) обозначенного периода, главным образом для будущего историка. Имея в виду этот адресат, мы предложили свой «взгляд» к опубликованию в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» как наиболее вероятном источнике, который не может быть обойден вниманием этого будущего исследователя.

Закономерно связывая новый период в истории Рукописного отдела с эпохой политической перестройки в СССР, Т. Г. Иванова в числе перестроечных примет, оказавших влияние на жизнь Рукописного отдела, называет и «раскрепощение издательской деятельности <...> и практически полное прекращение финансирования закупок архивных материалов» (с. 348). Об издательской деятельности Отдела скажем позже. Что же касается утраты бюджетной статьи по закупке новых фондовых материалов, т. е. в первую очередь писательских рукописей, то она произошла никак не ранее 1997 г. Поэтому сожалеть о «кризисных явлениях» в области комплектования (с. 356) до этого времени и уверять читателя, что «все покупки совершались исключительно по прямому финансированию Правительства, на редкие спонсорские деньги», значит вводить его в заблуждение. Бесспорно, автору книги, как и всем сотрудникам Отдела, известно, что 20 апреля 1987 г. была сформирована и с тех пор весьма интенсивно работала новая Экспертно-закупочная комиссия РО, состоящая из самых авторитетных

ученых Института. Ее возглавлял академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, а непременными членами были: доктор филологических наук, вскоре избранный академиком РАН Г. М. Фридендер, член-корреспондент, а затем академик А. М. Панченко, член-корреспондент Л. А. Дмитриев, доктор филологических наук, в недалеком прошлом зав. РО К. Д. Муратова, доктор филологических наук Н. А. Грознова, ученый секретарь Института В. К. Петухов, сотрудники Рукописного отдела В. П. Бударагин, Л. Н. Иванова, Г. А. Крылова, Т. С. Царькова, зав. Литературным музеем А. Ф. Некрылова и сотрудник музея Л. Е. Мисайлиди. Заседания комиссии проходили не формально, не были краткими. Сохранившиеся протоколы содержат множество сведений, и будущий историк не может их пропустить. В них в частности отражены дискуссии по поводу целесообразности приобретения тех или иных документов. Так, на одном из заседаний возникло сомнение: нужны ли литературному архиву материалы Макса Гельца — немецкого антифашиста? Казалось бы, они непрофильны, но принадлежали фондообразователю РО — писательнице Елене Павловне Серебровской, в 1930-х гг. жене М. Гельца, к тому же предложившей Отделу рукописи М. А. Шолохова, А. К. Югова, телеграмму Э. Хемингуэя и мн. др. Разгоряченный А. М. Панченко почти кричал: «Да вы понимаете, что этих немецких листовок начала тридцатых годов нигде в мире не осталось, даже в самой Германии!». Благодаря чуткому и доброжелательному отношению к РО закупочной комиссии, Пушкинским Домом были сделаны такие значительные приобретения, как фотографии и автографы (стихотворения и письма) Н. А. Клюева, автографы А. А. Блока, Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, С. А. Есенина, А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, О. Д. Форш, М. А. Кузмина, В. А. Пяста, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского, И. А. Бродского, К. К. Вагинова, Л. П. Карсавина, М. А. Волошина, рукописный, никогда не публиковавшийся как целое, сборник стихотворений Н. Заболоцкого «Арарат» (1926—1928), авторизованная машинопись 13 рассказов и очерков А. Платонова, творческие рукописи, личные документы и эпистолярная А. И. Солженицына, архив Н. Л. Дилакторской, содержащий письма Д. Хармса, С. Маршака, рукопись М. Зощенко, документы из семейных архивов Л. Н. Андреева, Н. Г. Гарина-Михайловского, И. Е. Репина, метрические книги из Абакумцевской церкви Ярославской губернии, в том числе с автографом А. С. Некрасова, отца поэта, десятки древнерусских рукописных книг и деловые бумаги (столбцы) XVII в., каталог русской эмигрантской книги А. Д. Алексеева (более 5000 карточек) и многое другое.

На закупки выделялись средства, в среднем от 10 до 25 тыс. р. в год. Много это или мало? Не так уж и мало, когда максимальная трудовая пенсия большинства наших вкладчиков не превышала 132 р., а зарплата научного сотрудника, кандидата наук, составляла 180—200 р. В этой связи поделюсь одним горьким воспоминанием. Лариса Николаевна Иванова привезла от Александры Ивановны Вагиновой, вдовы поэта, очень пожилой женщины, стихотворные и прозаические автографы и фотографии К. К. Вагинова. После закупочной комиссии мы должны были согласовать оценку с держателями рукописей. Лариса Николаевна позвонила Александре Ивановне. Сообщила об оценке: шестьсот рублей.

— Шестьдесят? — переспросила, не расслышав, старушка. — Ну ладно...

— Не шестьдесят, шестьсот, — поправила Лариса Николаевна.

— Шестьсот? Так много?! — Александра Ивановна заплакала...

Своей волей мы с Ларисой Николаевной увеличили эту сумму до семисот рублей.

В некоторые годы число закупок (среди них целные архивы) превышало тридцать наименований. Комплектование носило не кризисный, а плановый характер, причем не ограничивалось только пределами Ленинграда—Петербурга, выдавались целевые командировки в Москву, Киев, Таллин, Пензу, Новосибирск.

Параллельно закупкам не прерывалась череда дарений Пушкинскому Дому, чему немало способствовало регулярное освещение этой стороны работы Рукописного отдела в периодической печати и на радио, тоже не только ленинградском. Из сотен поступивших в дар рукописей назовем лишь несколько имен их авторов, столь же значимых для русской литературы, как и перечисленные выше (с неизбежным их повторением), не вошедших в книгу: автографы Д. Хармса (дар А. А. Александрова); роман Л. И. Добычина «Город Эн» (автограф), не опубликованная до той поры его же повесть «Шуркина родня» (авторизованная машинопись), письмо, фотопортрет автора (дар А. Л. Григорьева); автограф ранней поэмы Л. Леонова «Земля» и его письма (дар В. А. Ковалева); письма, фотографии, документы, рисунки, книги с дарственными надписями А. М. Ремизова (дары Б. Б. Ремизова (Украина), Н. Ф. Буровой (США)); альбом Е. А. и В. П. Ляцких с автографами М. И. Цветаевой, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, К. Бальмонта, И. А. Бунина, М. Горького, К. Ф. Тарановского, Н. А. Тэффи, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева и др., рисунками И. Я. Билибина, А. М. Ремизова, И. Лагорио (дар В. П. Ляцкой (Чехия)); духовное завещание и автограф романа «Котик Летаев» А. Белого (дар В. Рыковой (Швейцария)); автограф, авторизованная машинопись «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой, подаренная Л. Н. Гумилеву, и 4 поэтических сборника А. А. Ахматовой с дарственными надписями сыну (дар Н. В. Гумилевой); 953 письма А. Н. Веселовского и более 300 писем к нему, документы и воспоминания из семей Веселовских, Усовых, Шишмаревых; автографы Н. С. Тихонова, Вс. А. Рождественского, С. Я. Маршака, А. С. Кушнера, личный фонд поэта В. Б. Кривулина, содержащий кроме его творческих рукописей ценные материалы (в том числе иконографию) по ленинградскому андеграунду и самиздату 1960—1980-х гг. и мн. др. Общий итог поступлений за 1987—1996 гг. — 395, что вряд ли создает впечатление кризиса.

Из фондовых пополнений 2004 г. выделены только действительно событийное поступление автографа стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии...» и небольшой фонд фольклориста М. Я. Мельц. К этому необходимо добавить хотя бы прижизненные списки стихотворений А. С. Пушкина и Д. В. Давыдова, уже введенные в научный оборот Отделом пушкиноведения, неизвестную эпиграмму на Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского и неопубликованное письмо И. С. Тургенева (1876), вносящее уточнения в летопись жизни писателя (дары вдовы коллекционера М. Д. Ромма Ф. А. Темчиной), обширный и чрезвычайно ценный фонд

О. Ф. Берггольц, переданный в Пушкинский Дом по завещанию сестры поэтессы М. Ф. Берггольц, с которой у Рукописного отдела непросто складывались многолетние сотрудничество отношения. Если же перечислять фонды литературоведов, то необходимо упомянуть о приобретении больших и ценных фондов пушкинодомцев Б. И. Бурсова, А. Ф. Бритикова и С. С. Гречишкина. Выходя за временные границы книги, добавлю, что в начале 2005 г. удалось продолжить традицию собирания фондов литературных организаций в нашем городе: образован и пополняется фонд Центра современной литературы, основанного в начале 1990-х гг. и возглавляемого прозаиком Д. Н. Каралисом. Наконец, накапливавшиеся десятилетиями разрозненные материалы по истории Пушкинского Дома, приток которых был особенно интенсивен в 2005 г., решено было объединить в фонд и присвоить ему порядковый номер 880.

Не вызывает возражений отмеченная Т. Г. Ивановой «тенденция к активизации» обработки архивных материалов, наметившаяся с конца 1990-х гг. (с. 354—355). Но вот избранный метод для подтверждения этой мысли не представляется вполне корректным, а главное — убедительным. Казалось бы, что может быть нагляднее, чем сопоставление сухих цифр: за 1988—1996 «прирост» — 19 фондов и 10 395 обработанных ед. хр. (по нашим сведениям — 11 832 ед. хр.); за 1997—2003 — 21 фонд и 22 394 ед. хр. Но эти цифры, раз уж читателя направляют на путь сравнений, нуждаются в комментарии.

Глава книги носит заглавие «1987 и далее», что оправдано связью больших политических изменений в стране с изменениями в жизни Института. С февраля 1987 г. в ИРЛИ новый директор — Н. Н. Скатов, постепенно меняется дирекция, с апреля в Рукописном отделе — новый заведующий. Штат Рукописного отдела в 1987 г. сравнительно небольшой — 19 человек (к 1993 г. он вырастет до 25 человек и таким останется, что тоже надо учитывать, до мая 2005 г., сейчас в результате сокращения в Отделе 24 сотрудника). Но 1987 г. весьма интенсивен по результатам работы Отдела, в частности в направлении комплектования фондов: общее число новых поступлений — 60, поэтому нет причин выносить этот год за рамки анализа. За 1987—1996 гг. в Отдел формально пришло 23 новых фонда, преимущественно писательских. Подчеркнем, что это именно *вновь поступившие* фонды, результат работы Отдела по комплектованию.

Перечислим их: Одоевцева И. В. (ф. 824); Базанов В. Г. (ф. 825); Залыгин С. П. (ф. 826); Солженицын А. И. (ф. 827); Шимкевич К. А. (ф. 828); Бондарев Ю. В. (ф. 829); Тарковский А. А. (ф. 830); Иванова-Романова Н. М. (ф. 831); Янзен И. Г. (ф. 832); Серебровская Е. П. (ф. 833); Дилакторская Н. Л. (ф. 834); Куприянова Е. Н. (ф. 835); Штемлер М. Е. (ф. 836); Крайский А. П. (ф. 837); Заводчиков В. П. (ф. 838); Семенов Б. Ф. (ф. 839); Лесман М. С. (ф. 840); Цехновицер О. В. (ф. 841); Рахманов Л. Н. (ф. 842); Решетовская Н. А. (ф. 843); Кривулин В. Б. (ф. 844); Морозов А. А. (ф. 845). Сюда же следует отнести не пополнявшиеся позднее большие комплексы материалов, получившие в конце 1990-х гг. статус фонда: коллекция фольклориста И. В. Зырянова (первоначально в 1987 г. была отнесена к Р. V, позднее — ф. 850), материалы историка древнерусской и украинской литературы А. А. Назаревского, картотека библиографа и переводчика

Н. А. Назаревского (первоначально в 1987 г. были отнесены к Р. VI, затем часть материалов выделена в личный фонд 864) и материалы литературоведа-испаниста К. Н. Державина (поступление 1995 г., отнесенное к Р. I, позднее квалифицированное как личный фонд 859). Реально Отдел принял 26 новых фондов.

За 1997—2003 гг. в Рукописный отдел поступило 13 новых фондов: Дмитриева Л. А. (ф. 763); Четверикова Б. Д. (ф. 847); Путилова Б. Н. (ф. 848); журнала «Русская литература» (ф. 849); Ольшанской Е. М. (ф. 852); Холшевникова В. Е. (ф. 856); Никифоровского В. М. (ф. 857); Смирнова В. М. (ф. 858); коллекция библиофила Добкина Я. Г. (ф. 861); композитора Гаврилина В. А. (ф. 862); Левина Ю. Д. (ф. 865); Райзе Е. С. (ф. 867); Алексеева Г. И. (ф. 868).

На основе дополнительных поступлений за период 1997—2003 гг. к прежним материалам были образованы 3 фонда: Гусева В. Е. (ф. 846); Назаровой Л. Н. (ф. 851) и Гаген-Торн Н. И. (ф. 854).

В результате работы по фондированию отложившихся ранее поступлений были выделены и получили фондовые номера материалы: Бередниковой Е. П. (пост. 1964 г., ф. 855); Котульского А. В. (пост. 1963—1964 гг., ф. 853); Волконского М. Н. (пост. 1973 г., ф. 860); Герцен Н. П. (пост. 1983 г., ф. 866) и уже упоминавшиеся выше фонды И. В. Зырянова, Назаревских, К. Н. Державина.

Фондированием старых материалов Отдел в 1987—1996 гг. не занимался, как бы предчувствуя, что вскоре для комплектования наступят не лучшие годы, «кризис», по определению автора книги, и надо приготовить фронт работ для других направлений деятельности экспертной комиссии, тоже необходимых в архивном деле. Но решившись на *сравнения по «приросту»*, вероятно, нелишне было бы прояснить не вполне тождественную природу сравниваемого. Хотя здесь уместен вопрос: а сравнивают ли в цифровом выражении нетождественное?

Обратимся к тождественному, ко второй части сравнения — «приросту» обработанных единиц хранения. Разница хоть в 12, хоть в 10 тыс. ед. хр. впечатляет. Известно, что обрабатывать большие фонды — дело куда как более трудоемкое и времяемкое, чем небольшие фонды, отдельные поступления, что при переработке уже обработанных по старым правилам фондов значительно облегчаются процессы предварительной разборки и атрибуции. Нам представляется, что вопрос о переработке старых фондов для Рукописного отдела Пушкинского Дома сейчас дискуссионен, так как в хранилищах находится более 200 необработанных фондов, т. е. взятых на учет только в линейных мерах: метрах, сантиметрах. Но это *á propos*.

Несмотря на планирование, порой трудно сказать, на какой именно год придется завершение многотысячного фонда. Так, в 1998 г. утвержден и стал доступен исследователям фонд С. А. Венгерова — 8852 ед. хр. Сколько лет он обрабатывался? Точно ответить никто не возьмется. Разборка архива началась еще до передачи его в Пушкинский Дом, в Петроградском институте книговедения в 1920-х гг. Первым заведующим венгеровским архивом был литературовед и библиограф Н. А. Соколов, им было составлено 1107 карточек к части собраний автобиографий. Соколова сменил на посту заведующего А. Г. Фомин, который позднее, в 1937 г., возглавил

созданный в ИРЛИ сектор библиографии, где продолжал заниматься венгерским фондом. С учетом опубликованных автобиографических материалов он довел счет коллекции до 4250 номеров. В ИРЛИ коллекцией Венгерова, вероятно в 1950—1960-е гг., занимался А. Д. Алексеев, который составил на нее свою картотеку, а архивом в целом с 1970-х гг. — И. М. Юдина (до 1980 г.) и Л. П. Архипова (до 1989 г.). Подключившимся после смерти Л. П. Архиповой к обработке фонда М. В. Родюковой и Г. Г. Поляковой пришлось многое, как это всегда бывает в подобных ситуациях, пересматривать заново, уточнять классификацию и проч. Их завершающий труд, так же, как и труд их предшественников, колоссален, и, вероятно, по сумме усилия всех архивистов могут быть сопоставлены с трудом самого С. А. Венгерова. 7 сотрудников из трех поколений. Сколько человеко-лет, переводя на язык эпохи, на которую в основном пришлась обработка, затрачено? И мы должны, руководствуясь логикой книги, эти столь дорогие для Отдела почти 9000 единиц причислить к результатам 1998 года? Другой пример. В 1998 г. был утвержден фонд В. Г., Г. И. и Е. И. Чертковых и И. М. Трегубова, столь сложный по своей структуре, аккумулировавший три ранее существовавших фонда, что потребовал от обработчика почти 15 лет, обрабатывался с 1984 г. То же можно сказать и об иных больших фондах: Постоянной комиссии (ф. 540) — 1963 ед. хр.; Витберга Ф. А. (ф. 52) — 1253 ед. хр. и др.

Вот такая непростая арифметика, даже в один исторический период не укладывается, не говоря уж о производственных полупериодах. *Гармонию* времен и поколений — архивных времен — *и алгеброй не поверишь*.

И, наконец, последний аспект предложенной Т. Г. Ивановой схемы — издательский. «Раскрепощение издательской деятельности» привело к многолетнему ступору или вовсе развалу некогда мощных и авторитетных государственных издательств. Рукописи плановых серийных изданий копились и пылились на полках «Науки», а с этой маркой выходили брошюры по садоводству и т. п. печатная продукция. В 1989 и 1990 гг. на Ученом совете ИРЛИ были утверждены «Ежегодники РО» соответственно на 1990 и 1991 гг. В 1993 г. под предлогом необходимой доработки по прошествии столь длительного времени пришлось забрать «Ежегодники» из «Науки» и передать их в «Академический проект». Скандал был большой, но книги стали выходить (исключительно по грантам), хотя зазор в 4 года между обозначением в заглавии и выходными данными остался.

Как верно отмечено в монографии, редколлегия возобновленных «Ежегодников» стремилась следовать принципам, заложенным прежним безукоризненным редактором К. Д. Муратовой. Издание было ориентировано в основном на публикацию новых материалов по истории литературы и культуры XIX—XX вв. и обзорных архивных статей. В 1970-е гг. при плановом хозяйстве лимитировался объем сборника. В среднем он приближался к 20 п. л., это одна, отнюдь не главная из многих, причин, почему отбор материалов для печати у К. Д. Муратовой был строгим, даже жестким. Слабые, с ее точки зрения, статьи она не принимала, с другой стороны, сама заказывала подготовку публикаций, выбирая актуальные темы, привлекая наиболее осведомленных исследователей, невзирая на их служебную и ведомственную (а зачастую вневедомственную) принадлежность. Среди

постоянных авторов «Ежегодников» тех лет И. Г. Ямпольский, Б. Ф. Егоров, П. Р. Заборов, А. В. Лавров, А. Б. Муратов, В. П. Купченко. Публиковались и М. П. Алексеев, Р. Ю. Данилевский, Р. Д. Тименчик. Ксения Дмитриевна никогда не назвала бы этих филологов «сторонними для Рукописного отдела авторами» (с. 360). Ее, вероятно, нисколько не смутило бы, например, ретроспективное наблюдение по методу Т. Г. Ивановой над тем, что в «Ежегоднике на 1976 год», содержащем 15 работ, только два обзора принадлежат сотрудникам Отдела, в «Ежегоднике на 1979 год» — одна работа, а остальные публикации «сторонние». Задумываться над этой арифметикой в одно действие для доказательства тенденции, оборачивающейся тенденциозностью, заставляют нас, читатель. Оказывается, репутация издания определяется не его научным уровнем и профессионализмом, в том числе отбором материалов, способных заинтересовать подготовленного читателя, а тем, на каком этаже Института стоит рабочий стол автора. А может быть, не так уж и важно, в какой стране он живет и работает, лишь бы дело свое знал лучше других? Как говаривал Суворов, «не числом, а умением». Но даже в одном арифметическом действии Т. Г. Иванова допустила две ошибки: куда-то исчезло имя автора двух публикаций в «Ежегоднике на 1990 год» А. Г. Тимофеева, именно для их подготовки приглашенного в Институт в 1988 г., и, что особенно досадно, имя Л. Н. Ивановой из «Ежегодника на 1993 год», а работа там была проделана большая. Признаться, пишущей эти строки, еще со студенческих лет связанной с Рукописным отделом, тоже неловко ощущать себя «сторонним для Рукописного отдела автором», учтивой эту формулировку не назовешь и по отношению к дарителям-публикаторам: М. Д. Эльзону, Ж. Шерону и др.

Завершение арифметического пассажа звучит вроде бы мажорно: «Наконец, в последнем выпуске, на 2001 год, 16 статей из 21 подготовлены сотрудниками Отдела...» и в то же время пугающе: что бы означало дальнейшее усиление этой «тенденции»? Если логически рассуждать, то изоляцию от Института и всего остального филологического мира, теснейшая связь с которыми, на наш взгляд, только укрепляет Отдел и повышает его научный потенциал. Кто наши первые консультанты по публикациям и атрибуциям, со-трудники и со-авторы, информаторы, связные и помощники в отыскании и доставке новых материалов? Имена в науке значимы, и важно, кто еще, кроме сотрудников Отдела, обращается к его богатствам.

Расширение Рукописным отделом творческих, исследовательских и издательских контактов, в том числе международных, — часть общепринятого дела, имеющего значение не только для гуманитарных наук, но и для мировой культуры в целом. Как показывает практика, работа в этом русле всегда оправдана и результативна для Отдела: растет его авторитет и известность, пополняются информационная и материальная базы.

К сожалению, в книге Т. Г. Ивановой не нашлось места для упоминания о научных чтениях Отдела, проводимых с 1988 по 1996 гг., хотя «Хроника» некоторых из них публиковалась на страницах «Русской литературы». На чтениях было прочитано более 50 докладов обзорной, мемуарной, биографической и справочной направленности. Не все эти микроисследования обрели форму публикаций, но все отмечены творческим импульсом, научным результативным поиском. Первые чтения были посвящены памяти

Марфы Ивановны Маловой, последние — 90-летию Пушкинского Дома и 150-летию со дня рождения А. Ф. Онегина, тоже неслучайные для Отдела имена.

На с. 361—362 названы другие издания Отдела. Открывает этот список книга «„Серапионовы братья” в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации» (СПб., 1998). У этой замечательной книги были более скромные по объему, но тоже достойные предшественники — каталоги, впервые знакомящие широкого читателя с графикой, живописью, художественными текстами, письмами и биографиями представителей культуры модернизма и авангарда:

«Волшебный мир Алексея Ремизова» (СПб., 1992). Издание вышло под грифом ИРЛИ, в его подготовке принимали участие Л. В. Герашко, А. Г. Носова, Е. Р. Обатнина, Т. С. Царькова;

«Елена Гуро. Поэт и художник. 1877—1913. Живопись. Графика. Рукописи. Книги» (СПб., 1994). Издание вышло под грифом Рукописного отдела Института русской литературы. Ред. Т. С. Царькова. В числе составителей — Л. Н. Иванова. Подготовка каталога и выставки — Е. В. Виноградовой;

«Возврат к природе (Back to Nature). Петербургские художники русского авангарда XX века. Живопись. Графика» (Музей изобразительного искусства Йозенсуу. 7.5—26.5.1996). Издание вышло под грифом Рукописного отдела Института русской литературы, в числе составителей — Л. Н. Иванова;

и более традиционное издание — «„Тень Пушкина меня усыновила...”. Каталог выставки» (СПб.; Болонья; Кембридж, 1997). В грифе — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), среди составителей — Т. И. Краснородько, Л. К. Хитрово. Автор вступительной статьи — Т. И. Краснородько.

Вероятно, будущему исследователю удастся сократить пробелы в «пунктирных линиях», обрисовывающих другие периоды деятельности Отдела. Но о тех временах мы так же, как и автор книги, знаем лишь из документов и воспоминаний. В этих же заметках о близком времени — живая память.

Т. С. Царькова